

Его единственная роль

"Сколько бы я ни рассказывал зрителям на творческих встречах о других своих экранных героях, они, зрители, все равно возвращают меня к Григорию Мелехову".

Петр Глебов

Этот наш разговор состоялся незадолго до... Так оказалось, что не только юбилея, но и кончины. Простите, Петр Петрович, мне хотелось приурочить к дате.

— Я ведь до сорока не был "ходким" артистом и сколько ни пробовался в те годы на какие-то значительные роли, мне говорили: "Понимаете, роль у нас русская, а ваше лицо типично национальное". А когда попадал на кинопробы фильма "национального", меня уверяли: "Мы бы и взяли вас, но уж больно лицо у вас русское!"

Вообще, о какой-то конкретной роли, ушедшей в те годы, я не жалею. Хотя... Мечтал когда-то о Прохоре из "Угрюм-реки". Очень

хотел сыграть Челкаша — до сих пор берегу фотопробы свои на эту роль. Но тут-то судьба и сделала мне главный подарок. Считаю, что в день, когда я был утвержден на роль Григория Мелехова в "Тихом Доне", зажглась на небе моя звезда. Между прочим, в начале работы над фильмом Герасимов сказал моей жене: "Он даже не представляет, что теперь будет с его жизнью!" И до сих пор "звезда" эта ведет меня — и человечески, и материально. Не говоря уж про награды, полученные мною за эту роль и от Хрущева, и от Брежнева, от Горбачева, Ельцина. А ведь, когда пошла молва о начале работы над фильмом "Тихий Дон", сердце мое не защемило: я уже свыкся с мыслью, что рассчитывать в кино на большую роль с моим лицом нечего.

— Петр Петрович, откройте секрет: как получить в один день звание народного артиста СССР и орден Ленина?!

— Значит так... Рассказал мне об

этом министр культуры: смотрел на даче последние наши картины Леонид Ильич Брежнев, и поборолся ему в "Мужиках" Зубов-старший, отец то есть: "А это кто такой?" — спрашивает. "А это, — говорит ему, — артист Глебов. Который в "Тихом Доне" Гришку Мелехова играл". "Да?! А я уже и не помню". Срочно показали ему все три серии. Начал расспрашивать: кто кино делал, кто играл. Про Герасимова сказали: народный СССР, Герой, профессор. "А Глебов?" — "Он народный РСФСР". — "А что, он на народного СССР не тянет?! Дайте мне материал на него". Срочно собрали сведения о фильмах-ролях, биографию. Тут шум в Москве: где он! А я на гастролях в Архангельске.

Листает он на заседании мои документы: "Вот тут у меня дело Петра Глебова, надо бы ему народного артиста СССР дать". Листает дальше: "Так он и воевал! Москву защищал, оказывается! Дайте ему

лично от меня орден Ленина!" Политбюро удивилось: так не делается. "Ну, в порядке исключения".

— А вы дорожно-мелиоративный техникум в поселке Брасово, Брянской области, случаем не "в порядке исключения" закончили? Почему бы сразу-то не в артисты?

— А потому что пятнадцать лет я прожил в деревне; родился и до четырех лет жил в Москве, но началась стрельба революционная и нас со старшим братом (спустя много лет Федор Глебов станет заслуженным художником РСФСР. — Г.С.) отправили в деревню Назарьево под Звенигород. Потом я жил-учился в деревне Дарьино: мы с Федькой в округе не только белок, но всех кошек перестреляли — сдавали шкурки, деньги зарабатывали; в те годы ведь манто кошачьи в моде были, а нам семью кормить надо. Не-ет, тетерей-рябчиков тоже стреляли — живности ведь кругом полно было. А когда после семилетки со мной речь о профессии за-

вели, я сказал, чтобы было что-нибудь поближе к природе: я же привык с мая по октябрь босиком ходить, охотник сызмальства. А поскольку в математике нич-ч-чего не понимал, решил, что "мелиорация" как-то с утками связана: значит, охотиться буду. Потом, правда, техникум в глубинку перевели, и я на четыре года туда уехал, но закончил и в Москву вернулся: семья-то вся здесь оставалась. А тут и набор в студию Станиславского объявили.

— А что вас заставило из театра Станиславского уйти? Ведь был репертуар.

— Не скажу, чтоб уж такой обширный репертуар был там у меня. При Яншине был театр. А когда он ушел во МХАТ, стала ощущаться какая-то внутренняя неудовлетворенность. Я уже к

тому времени большой авторитет и как киноактер набрал, так что меня легко в театр Киноактера отпустили. Я правда, на его сцену так ни в одном спектакле и не вышел, но от Бюро пропаганды кино выступал очень много: стадионы, дворцы культуры. В гриме Григория Мелехова выезжал на коне, с шашкой. Куски из "Тихого Дона" читал, под гитару романсы пел. Вообще-то, теперь нас уже редко зовут — ни у кого ведь денег нет, чтобы нам хоть что-то заплатить, но народ меня помнит: иду по улице — улыбаются, здороваются, автографы просят.

— А орден Ленина вас сильно обрадовал?

— У меня ведь за войну персональных наград нет — юбилейные: "За победу над Германией", "За оборону Москвы". Да у меня и на "лицевом счету" каких-то особых успехов нет. На счету орудия, которыми командовал, — конечно, на счету полка. Я войну гвардии сержантом закончил. Театр в Среднюю Азию в эвакуацию уехал, а мы, молодые артисты, Юрочка Леонидов, Елагин Левочка — нас целый орудейный расчет набрался — пошли добровольцами на фронт. И служили в зенитно-артиллерийском пол-

ку, который охранял от гитлеровских самолетов западный сектор Подмосковья. Немцев я не видел, но жутко поначалу бывало: бомбардировщики такими массивными налетами у-у-у... — и полное впечатление, что Москва горит. "Боже ты мой, — думалось, — как же мы тут плохо стреляем, если Москва горит!" Но какое же бывало ликование, когда на темном ночном небе, освещенном нашими прожекторами, мы перед носом бомбардировщика видели разрывы собственных снарядов. А если он еще и дымиться начинал, куда-то к горизонту уйти пытался...

Потом уже — в тихий такой денек, когда никаких налетов не было, — повез я маме сухариков, картошки, капустных листьев с нашего огорода. Мы же огород возле пушки своей развели, у нас капуста своя была. А рядом — колхозное поле. Мне ребята говорят: командир, давай мы так кочанчики подрежем, чтоб листья остались. Подрезали, повез я маме кочанчик с нашей грядки, возвращаюсь, а капуста как была на грядке, так и сидит. Они, оказывается, с колхозных буртов натаскали. Я в Москву еду и думаю: ведь сгорела вся. А она стоит. Москва-то стоит.

Когда театр из Средней Азии вернулся, нас стали на спектакли отпускать. У нас в День Победы в ДК имени Ленина на Пресне "Три сестры" шли, так когда салют начался, мы все — и зрители, и артисты в костюмах сценических — на улицу высыпали, а там "ура-а-а!" сплошное.

— Петр Петрович, вас Михалков, ваши племянники двоюродные, в свои фильмы приглашали?

— Даже попыток не делали. Да я и не подмечал как-то в их фильмах: "Эх, ведь роль-то моя". Никита вообще считает, что я всю жизнь играл не то и что место мое — в комедиях. Меня ведь действительно поначалу в студии в комедийно-характерные актеры прочили.

— О вас ходили какие-либо "эдакие" слухи?

— Сбить меня с ног каким-то слухом довольно трудно, правда, вот слышал байку, что мы с Быстрицкой за бугор деру дали. А зачем мне туда с Быстрицкой-то ехать, когда у меня собственная, родная Марина Алексеевна есть? Дочери и пара внуков-охотников — любимые мои!

Беседовал Геннадий СУХИН



Экран и сцена

№ 19 (539), май 2000 года

Экран и сцена

№ 19 (539), май 2000 года